

RECENZIJOS

A. Girdenis. *Fonologija*. — V.: Moks-
las, 1981.—216 p.

Книга известного литовского фонетиста и фонолога А. Гирдениса издана как учебник для студентов-литуанистов по общей синхронической фонологии. Теоретические положения в ней иллюстрируются, в основном, данными современного литовского языка и литовских говоров, однако „в случае необходимости раскрыть типологическую перспективу явлений“ (с. 4) широко привлекаются факты русского, латышского, польского, английского, немецкого и других языков.

Четкие теоретические установки автора, последовательность развития исходных положений, стремление как можно полнее представить содержание фонологического анализа с учетом достижений разных фонологических школ позволяют считать рецензируемую книгу не только учебником, но и систематическим изложением определенной фонологической концепции. Эта концепция „близка взглядам представителей пражского лингвистического кружка, но не совпадает с ними полностью. В ней, прежде всего, больше внимания уделяется методике идентификации фонем... При изложении этой методики широко используется опыт дескриптивной лингвистики. С другой стороны, в отличие от пражцев, в качестве основы для классификации фонем и других фонологических элементов принимаются не парадигмати-

ческие, а синтагматические их отношения“ (с. 3). При решении последней задачи учитывается опыт копенгагенской фонологической школы и положения по своим взглядам близкого к ней польского лингвиста Е. Куриловича, особенно его идеи изоморфизма строения разных уровней языка.

Содержание „Фонологии“ подчинено ее задачам. В первой части книги („Место фонологии в системе лингвистических дисциплин“, с. 6—27) вводятся понятия языка как системы знаков; языка, речи и языкового акта и приводятся основные характеристики языкового знака (при этом, кстати, не указывается такое его свойство как членимость, очень важное для понимания природы фонологического анализа). Во второй части („Методика определения фонем“, с. 28—63) излагаются правила парадигматической и синтагматической идентификации фонем. Самая большая по объему третья часть работы („Отношения фонем“, с. 64—163) посвящена описанию принципов синтагматической классификации фонем (с. 68—92), нейтрализации (с. 93—112) и парадигматических отношений фонем. Завершается книга главой „Суперсегментные элементы“ (с. 164—199). Затем следует список использованной литературы (216 названий) с указанием работ, рекомендуемых для студентов, список сокращений и приложение (математические таблицы для обработки данных аудиторных экспериментов).

Все части книги и наиболее сложные ее разделы заканчиваются сводками основных выводов, что важно не только для изучения основ фонологии, но и для понимания концепции автора. Рассмотрим теперь основные моменты его рассуждений.

А. Гирденис совершенно справедливо считает, что фонетика и фонология не самостоятельные разделы науки, а разные аспекты одной и той же лингвистической дисциплины (с. 15). „Каждое фонетическое исследование основывалось и основывается, если не на осознанном, то, по крайней мере, интуитивном фонологическом анализе“ (там же). Из контекста ясно, что „интуитивным фонологическим анализом“ автор обозначает то членение речевого потока говорящими, которое осуществляется ими в процессе осознанного восприятия речи.

Для изложения оснований фонологии очень важным является понятие фигуры знака. А. Гирденис им не пользуется, и это отражается на логике изложения, поскольку остается неясным, на каком основании вводится понятие фонемы как основной фонологической единицы.

При определении объекта фонологии автор опирается на понятие репрезентативной функции элементов знака (с. 16) и считает, что элементы, выполняющие такую функцию, являются фонологическими. По нашему мнению, необходимо уточнить, что физические компоненты знака становятся означающим, т.е. приобретают репрезентативную функцию, только в результате восприятия-понимания речи. В противном случае объект (потенциальный знак) представляет только сам себя и членится произвольно. Это наводит на мысль о том, что репрезентативные элементы являются элементами интуитивного членения знака (т.е. фактически его фигуры). Если это так, то неточным является утверждение автора о том, что репрезентативная функция представлена тремя частными функ-

циями — дистинктивной, кульмитативной и делимитативной (с. 18). Очевидно, названные функции — это теоретический, эксплицитный способ описания репрезентативной.

В теоретическом отношении довольно сложным является раздел „Типы фонологических элементов“ (с. 21–27). Здесь вводится обобщенное представление о фонологической единице как „любом отрезке речевого потока, из которого удалены особенности, не представляющие значения (dalykinio turinio), т.е. индивидуальные, экспрессивные и позиционные модификации“ (с. 21). Это дает возможность автору расширить границы фонологии и выделить такие фонологические единицы как (фонологическое) предложение („комплекс, состоящий из слов и вместе с ними произносимой интонации“, с. 21), слово (определения не дается), фонологический слог, наконец, фонема и дифференциальный признак (ДП). Далее указывается, что обычно анализ плана выражения в лингвистике (т.е. собственно фонологический анализ) начинается со слова — „наименьшего двуязычного элемента системы языка, наиболее легко выделяемого и различаемого интуитивно“ (с. 24).

По нашему мнению, представление о фонологических единицах более сложных, чем фонема, формируется в результате фонологического синтеза, естественно следующего после фонологического анализа. Понятие же ДП возникает в ходе исследования парадигматических отношений фонем. С этой точки зрения способ задания и классификации фонологических единиц, избранный автором, не кажется методически удачным, однако чтение книги убеждает в том, что это не отразилось на качестве последующего изложения.

Методика выделения фонемы описана А. Гирденисом последовательно и четко. Этот раздел обладает хорошей „обучающей способностью“; своей полнотой, тщательно подобраным иллюстративным материалом, глубиной и вместе с тем прозрач-

ностью изложения он выгодно отличается от соответствующих разделов в аналогичных работах по русской, белорусской и украинской фонологии, да и по фонологии других славянских языков. Демонстрируя приемы фонологического анализа, автор вводит в научный оборот интересный материал литовских говоров (с. 61–62). Теоретическим достижением А. Гирдениса является эксплицитное указание на „типологическую составляющую“ фонологического анализа, сделанное им при определении понятия „подозрительных сегментов“ (*įtariamieji segmentai*; по-русски лучше „сложный сегмент“) — „таких комплексов звуков, которые в одних языках функционируют как ... монофонемы, а в других системах — как ... бифонемы“ (с. 62). При перечислении признаков монофонемности, кажется, было бы целесообразным сравнить предлагаемые правила с правилами Н. Трубецкого. Вряд ли мотивировано исключение из их числа критерия морфологической границы, тем более что, согласно автору, при решении вопроса о фонематичности-нефонематичности „в определенных случаях используется критерий грамматической целесообразности: избирается такая фонологическая интерпретация, которая позволяет лучше и проще формулировать грамматические правила изучаемого языка или диалекта“ (с. 45).

Глава, посвященная анализу отношений фонем, безусловно, является лучшей в книге. Подробное изложение методики синтагматической (функциональной) и парадигматической классификации фонем преследует, прежде всего, дидактические цели, но при этом ярко раскрывается и своеобразие авторского подхода к решению важнейших проблем теоретической фонологии. Поэтому данную главу с пользой для себя прочтут не только начинающие, но и сложившиеся исследователи. Ход рассуждений автора здесь таков.

После определения инвентаря фонем естественно следует анализ их парадигма-

тических отношений. Отношения эти, согласно А. Гирденису, „устанавливаются между такими элементами языка, которые могут находиться в одинаковой позиции в более сложных последовательностях и потому дифференцировать их значения“ (с. 64). В лингвистической литературе термины „парадигматические отношения“ и „системные отношения“ обычно выступают в качестве синонимов. А. Гирденис не просто указывает на это, а стремится представить весь путь рассуждений, ведущих к этому отождествлению. Синтагматические отношения им трактуются как отношения смежности (с. 66) или симультанности (с. 67), причем справедливо подчеркивается, что речь идет о сочетаемости именно фонем — единиц, принадлежащих к разным парадигмам (с. 66), а не о физических звуках речевого потока.

Классификацию фонем можно начать с исследования их парадигматических отношений (как это присуще, напр., русской фонологической традиции) или же синтагматических. А. Гирденис начинает со второго, поскольку синтагматические отношения наблюдаемы, само понятие парадигмы (класса фонем) основано на синтагматических отношениях и закономерности дистрибуции фонем в данном языке отражают специфику их системных отношений. Если же идти от парадигматики, то всегда существует опасность не заметить этой специфики. Тезис о необходимости выявлять специфику системных отношений фонем в каждом языке занимает важное положение в рассуждениях автора, во многом определяя своеобразие его творчества как исследователя-лингвиста.

С учетом сказанного становится понятным, почему в монографии так тщательно и последовательно представлена методика синтагматической классификации фонем (с. 68–112). Здесь читатель найдет и необходимые для лекций занимательные примеры (с. 68–69), и строгое изложение теории функционального слога деления с привле-

чением данных типологии (с. 81–92), и интересный анализ одного из наиболее глубоких понятий теоретической фонологии, введенного в науку пражцами, — понятия нейтрализации (с. 93–103). Следует подчеркнуть, что, рассматривая механизмы нейтрализации, А. Гирденис в явном виде разграничивает различаемые далеко не всеми исследователями явления ограниченной дистрибуции (которую вряд ли следует называть традиционно „парадигматическим“ термином „пустая клетка системы“, с. 93), и собственно нейтрализации как следствия „регулярных, подчиняющихся строгим правилам ограниченный в употреблении фонем“ (с. 94), обнаруживающихся при чередовании фонем. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что, начиная свои рассуждения, автор оперирует литовским материалом, но классификацию типов корреляций он выполняет на данных других языков; вследствие этого неудовлетворенным остается интуитивное желание читателя получить сводку корреляций литовской фонологической системы. Таблицы фонем литовского языка находятся слишком далеко от этого места (с. 142–143), и потому они не восполняют чувства недостатка информации, возникающее после прочтения указанных страниц.

„Определяя признаки корреляции, мы тем самым уже начинаем раскладывать фонемы на дифференциальные признаки, т. е. рассматривать их не как монолитные элементы, а как симультанные группы более мелких элементов“ (с. 112). Эта фраза завершает раздел о синтагматической классификации фонем и служит введением в парадигматический анализ.

Изложение принципов парадигматических отношений фонем характеризуется логичностью и полнотой, обильным иллюстративным материалом и некоторыми теоретическими новшествами; завершается оно подробным описанием структуры фонем литовского языка.

Фонологичность каждой оппозиции до-

казывается автором многочисленными и тщательно подобранными парами слов, по количеству которых можно судить и о „весе“ данного противопоставления в системе фонем. Эти пары имеют не только обучающее значение; последующие исследователи литовской фонологии вряд ли смогут обойтись без них в своих работах.

В традиционном дихотомическом анализе проблема иерархии дифференциальных признаков считается несущественной. Вследствие этого при описании конкретных языков как бы нивелируются различия между отдельными подсистемами по их роли в системе фонем данного языка, и в значительной мере — различия в этом отношении между языками. А. Гирденис исходит из того, что „дифференциальные признаки тем более существенны (vertinogesni), чем больше фонологических элементов они охватывают и различают“ (с. 121) — в данном языке, добавим мы, оттеняя эту идею, в структуре языка особое значение имеют классы фонем (а следовательно, и противопоставления), выделяемые синтагматически; ДП, используемые в данном языке, образуют иерархию и в этом отношении в зависимости от числа описываемых ими синтагматических классов фонем. Более высокое место занимают те ДП, которые описывают большее количество таких классов.

Поскольку в литовском наименьший синтагматический класс образуют фонемы /s z (š ž) š ž (š', ž') / (в общем, S, Š) перед последующей взрывной (–T) в начале слова, то и признак „дентальность“ является наименее важным в иерархии ДП фонем литовского языка (с. 117). Наоборот, фонемы S и T образуют наибольший синтагматический класс перед R (сонорными) и по этой причине признак „фрикативность“ „в иерархии парадигматических отношений должен занять наивысшее место“ (с. 118). В общем, иерархия ДП, с помощью которых описывается система фонем литовского языка, выглядит следующим

образом: 1. сонорность — несонорность; 2. фрикативность — взрывность; 3. носовость — неносовость; 4. аффрикативность — неаффрикативность; 5. лабиальность — нелабиальность; 6. переднеязычность — непреднеязычность; 7. альвеолярность — дентальность; 8. звонкость — глухость; 9. твердость — мягкость.

Синтагматические классы фонем, на которых основана эта иерархия, следующие:

S, \check{S} /перед T / : $s z (\acute{s} \acute{z}) \check{s} \check{z} (\acute{s}' \acute{z}')$;

T /между S и R / : $p t k b d g$;

S, T /перед R / : $s \check{s} z \acute{z} t d p b k g$;

R /между T и V / : $j v m n l r$;

T, R /между S и V / : $b d g j v m n l r$;

S, T, R /перед V / — все согласные (с. 115–123) глухие и звонкие: встречающиеся перед R (с. 77, 78), но взаимно нейтрализуемые (с. 94–95); твердые и мягкие: нейтрализуемые перед гласными переднего ряда (с. 95).

При сопоставлении иерархии ДП и синтагматических классов бросается в глаза отсутствие полного изоморфизма между ними. Во-первых, класс S разделен автором на S (свистящие) и \check{S} (шипящие) как нейтрализуемые друг перед другом (с. 109, 115); каждый из этих классов меньше по объему (по 4 фонемы), чем R (5 фонем), занимающий в иерархии первое место (т. е. являющийся наименее важным в данной системе). Во-вторых, ДП „назальность“ объединяет только фонемы $/m n/$, и непонятно, почему этот признак очутился в иерархии на третьем месте. Далее, синтагматических классов не образуют аффрикаты ($/\check{c} d\check{z} c z \acute{c}' d\acute{z}' \acute{c} \acute{z}'/$), лабиальные ($/p p' b b' v v' m m'/$), переднеязычные ($/t d s \acute{s} z \acute{z} \check{s} \check{s}' c \acute{c}$ и т. д.), а также пары твердых и мягких фонем. Не сказано в явном виде, почему в иерархии признаков „лабиальность“ занимает более высокое место, чем „аффрикативность“, поскольку в этих классах по восемь фонем. Затронутые вопросы должны быть освещены прежде всего в дидакти-

ческих целях. Студента может смутить и то, что количество „дифференциальных признаков, совпадающих с синтагматическими признаками“ (с. 122), указано 14, а в общем списке ДП всего 9 (несовпадение это объясняется тем, что в первом случае некоторые ДП упомянуты дважды). Важно было бы также подчеркнуть, что иерархия ДП в системе оказывается как бы обратной по отношению к легкости, с какой соответствующие классы фонем выделяются по дистрибутивным критериям.

Избранный автором подход к анализу системных отношений фонем приводит к некоторому затушевыванию важного различия между рядами и корреляциями, а также между нейтрализуемыми и не нейтрализуемыми корреляциями, что представляется нам существенным недостатком.

С большим интересом читается описание системных отношений гласных фонем литовского языка (с. 126–140), представляющее собой как бы исследование в исследовании. Автор приходит к выводу, что эта система имеет вид:

\bar{i}	\bar{u}	i	u
ie	uo		
\bar{e}	\bar{o}		(\bar{o})
\acute{e}	\acute{a}	e	a

Включение в систему долгих дифтонгов $/ie uo/$ ($kintamieji$ по терминологии автора) всесторонне обосновывается: эти фонемы, как и монофтонги, встречаются перед гласными (с. 59–60); первые их компоненты i -, u - не тождественны кратким звукам i -, u -. Видимо, к этому можно было бы добавить, что и вторые их компоненты $-e$ и $-o$ по своим характеристикам не совпадают с представителями и долгих, и кратких монофтонгов. Не аргументируется допущение о том, что $/ie uo/$ являются более высокими по подъему, чем $/\bar{e} \bar{o}/$.

Фонологические противопоставления долгих и кратких фонем реализуются, согласно А. Гирденису, относительно бо-

лее длительными и более краткими звуками (с. 131); вместе с тем *i—ī* и *u—ū* различаются также по степени закрытости—открытости. Хотелось бы выразить наше согласие с наблюдением автора о том, что аналогично различаются также представители фонем *e—ē* и *a—ā* (хотя это различие и не доказано пока аудиторными экспериментами).

Поскольку описание системы гласных литовских фонем заканчивается экскурсом в типологию, может быть, уместно отметить, что количественное преобладание долгих фонем в системах $\check{V}-\bar{V}$ наблюдается в языках мира довольно часто, а обратное — гораздо реже.

Рассмотрение супрасегментных элементов языка А. Гирдениса начинается с анализа непросодических единиц (с. 165—171). Показывается, что в качестве таковых может выступать твердость—мягкость (точнее, палатализованность), звонкость—глухость и нек. др. характеристики согласных. Целесообразность трактовки палатализованности и позиционной лабиовеляризации в литовском языке как супрасегментных фонологических явлений автором ставится под сомнение.

Описывая природу словесного ударения вообще и литовского, в частности, автор указывает, что ударение в литовском принадлежит слову в целом (с. 173), оно является основным фонетическим признаком литовского слова (с. 173) и выполняет дистинктивную функцию (с. 175). Принимается, что „фонетические параметры (*uapatybės*), реализующие ударение (т.е. контраст между ударным и безударными слогами), принадлежат не системе языка, а норме, и поэтому они являются несущественными (или нерелевантными) с фонологической точки зрения“ (с. 174).

Интересны наблюдения А. Гирдениса о наличии второстепенного ударения (на третьем от начала слова слоге) в литовских четырехсложных словах с ударением на первом слоге (с. 181) и некоторых особенно-

стях реализации второстепенных ударений в северожемайтских говорах (там же). В частности, отмечается, что в этих говорах ударение на первых слогах (в случаях типа *pàrašā, kàlakòts*) является автоматическим сопровождением главного, сигнализируя о том, „что слово заканчивается кратким или циркумфлексным слогом, имеющим фонологическое ударение“ (с. 181). Думается, эти наблюдения интересуют всех исследователей, в своих рассуждениях оперирующих фактами „полиакцентности“ жемайтского слова.

Просодические элементы, „дифференцирующие в иных отношениях тождественные слоги и слова, называются интонациями (*priegaidė*) или тонами“ (с. 187). В литовском только интонациями различаются пары слов *dýgti* ‘прорасти’ — *dýkti* ‘становиться балованным’; *klósti* ‘расстилал’ — *klōsti* ‘складка (одежды)’; *rūgsta* ‘киснет’ — *rūksta* ‘курится’; *vókti* ‘соображать’ — *vōgti* ‘красть’; *kūrpė* ‘(деревянный) башмак’ — *kuřpė* ‘плохо шил’; *išvirsi* ‘упадешь’ — *išviřsi* ‘сваришь’.

Интонированными являются долгие слоги; „краткие же ... слоги могут быть только ударными или безударными“ (с. 189). Интонации, обозначаемые в литовском с помощью знаков (˘) и (˜), в фонологии следовало бы называть, считает А. Гирденис, нейтральными терминами „акутовая“ и „циркумфлексная“. Традиционные же литовские термины *tvirtapradė* (сильноначальная ˘) и *tvirtagalė* (сильноконечная ˜) „как будто предвосхищают фонетические исследования и навязывают мысль о том, что интонации различаются „силой“ начала или конца слога, хотя до сих пор этого никто не доказал“ (с. 188). Слуховое впечатление, вызываемое этими интонациями, наилучшим образом, по его мнению, передают литовские термины *staiginė* и *teřtinė* (с. 188); на русский их можно перевести как ‘резкая (острая)’ и ‘плавная’.

Система двух тонов характерна для литовского литературного и всех литовских

говоров (с. 190). Многочисленные интонации, отмечаемые диалектологами в говорах („средняя“, „резкая“, „прерывистая“ и др.), являются аллотонами, сводимыми к системе из двух интонаций (с. 190).

Подробно аргументируется мысль о том, что „в морфологической и морфонологической системах языка интонации функционируют как важные характеристики морфем“ (с. 191).

Наличие в литовском дифтонгических сочетаний типа *ái* и *aĩ*, $\check{V}R$ и $V\check{R}$, монофтонов с интонациями \check{V} и \tilde{V} , а также, добавим, включение в систему долгих фонем дифтонов */ie uo/* дает возможность интерпретировать долгие гласные фонемы литовского языка как двухморные по отношению к одноморным кратким. В свою очередь, это позволило бы трактовать слоговые интонации как слоги с ударением на первой море ($\underline{\quad}$) при акуте и со второй ударной морой ($\underline{\quad}\underline{\quad}$) при циркумфлексе. Однако А. Гирденис скептически относится к морной теории, поскольку интонации „функционируют как не жестко связанные с ударением дополнительные характеристики отдельных морфем (а не отдельных слов или их фонем)“ (с. 197); кроме того, гласные */ē ū/* трудно считать двухморными потому, что у них нет кратких соответствий (там же).

Раздел о супрасегментных единицах подробно реферирован прежде всего потому, что, во-первых, природа и функции литовских слоговых интонаций интересуют многих исследователей; во-вторых, хотелось бы оттенить последовательно фонологический подход А. Гирдениса к интерпретации этого явления, и, в-третьих, для того, чтобы обратить внимание читателя на его тонкие замечания как опытного фонетиста о реализации интонаций. Сжатость, внутренняя цельность и последовательность описания сложной литовской супрасегментной фонологии делает этот раздел одинаково полезным как для студента, так и для любого специалиста по фонетике и фонологии.

Как видим, анализ содержания „Фоно-

логии“ А. Гирдениса позволяет утверждать, что автор блестяще справился с поставленной перед собой задачей создания учебника на концептуальной основе. „Тема учебника“ и „тема концепции“ органически слиты в монографии; они поддерживают, дополняют и усиливают друг друга, диссонировав в редких случаях. Первая тема заставляет автора как можно более последовательно излагать приемы фонологического анализа, вторая обусловила как необходимую глубину разработки отдельных положений, так и привлечение новых данных, многие из которых получены самим исследователем. Благодаря концептуальной основе „Фонология“ не превратилась в кладовую „точек зрения“ по тем или иным вопросам, в изложении которых на лекциях многие преподаватели вуза видят подлинную научность, наивно полагая, что „концепция для учебника — это смерть науки“. Концептуальность изложения не только облегчает усвоение фактического материала, — она воспитывает подлинно научное мышление, что и является самым главным в подготовке молодого специалиста. Своеобразие данной работы как теоретического исследования обусловлено тем, что она представляет собой введение не только в фонологический анализ, но и содержит основы фонологии литовского литературного языка, являясь одновременно и введением в фонологию литовских говоров. После прочтения книги остается устойчивое впечатление ее значимости для литовского и балтийского языкознания, а также для развития теоретической фонологии.

Высоко оценивая работу А. Гирдениса в целом, рецензент считает необходимым отметить и некоторые ее недостатки. Прежде всего, обращает на себя внимание несколько необычная система ссылок: довольно последовательно указываются авторы какой-либо идеи или мысли, не имеющей значения для понимания основ фонологии, и так же последовательно не указываются авторы фундаментальных идей. Для студен-

та, по нашему мнению, было бы небезынтересно узнать, что критерии выделения фонемы установлены Н. Трубецким, принципы функционального слога деления изложены Е. Куриловичем и т.д., но вряд ли необходимы ссылки на с. 69, 115, 128, 167 и нек. др. В работе немало побочных замечаний, никак не связанных ни с последующим, ни с предшествующим изложением. Напр., на с. 67 первый и последний раз упоминается о стратификационной лингвистике; на с. 169 говорится о „генеративной интерпретации“, хотя во вступлении ясно указывается, что генеративная интерпретация фактов не будет рассматриваться; слишком детальным (для учебника, по крайней мере) кажется раздел о статистической интерпретации результатов аудиторных экспериментов (с. 34–35).

Может быть, более догматически следовало бы решать вопросы литовской фонетической и фонологической терминологии. Как исследователя, активно участвующего в ее создании, А. Гирдениса можно понять, когда он подробно обсуждает проблемы терминологии, но для студентов, незнакомых с иноязычной терминологией, эти рассуждения выполняют роль „отвлекающего фактора“.

Для „Фонологии“ крайне необходим индекс терминов.

Работа тщательно выверена, корректурные ошибки в ней немногочисленны (на с. 4 в ссылке на работы А. Степонавичюса должно быть t. 25–27 (вм. t. 5–7); на с. 92 (4 стр. сверху) вместо SR- следует читать ST-; на с. 128 (6 стр. снизу) вместо pirmuosiuose следует читать antruosiuose; на с. 198 (4 стр. снизу) вместо *kylančio* должно быть *krintančio*).

„Фонологии“ А. Гирдениса уготована долгая жизнь — и как первому учебнику по фонологии на литовском языке, и как первому литовскому исследованию по общей фонологии. Она уже стала настольной книгой каждого специалиста по литовскому и балтийскому языкознанию. Тираж „Фо-

нологии“ небольшой, и можно думать, что она будет переиздана. Рецензент надеется — второе издание будет и дополненным, и усовершенствованным.

В. Чекмонас

Guido Michellini. *La linguistica testuale e l'indoeuropeo: il passivo.* — Brescia, ed. La Scuola, 1981.

Pastarieji dešimtmečiai indoeuropiečių kalbotyroje — tai ne tik naujų atradimų, bet ir naujų pažiūrų bei esminių pertvarkymų laikotarpis. Struktūrinės lingvistikos, kalbų tipologijos ir kitų kalbotyros sričių metodų panaudojimas leido naujomis akimis pažvelgti į tradicinės indoeuropeistikos pastatą. Pritaikius vidinę rekonstrukciją baltų kalboms, ypač išryškėjo jų morfologinės sandaros konservatyvumas. Daugelį baltų kalbų veiksmažodžio morfologijos bruožų, anksčiau laikytų naujais, šiuolaikiniai tyrinėtojai (pvz., J. Kazlauskas, W. Schmidas, V. Ivanovas, V. Toporovas, W. Schmalstiegas ir kt.) linksta skirti prie archaizmų, paveldėtų iš indoeuropiečių kalbų bendrystės laikų. Neseniai pasirodžiusi G. Michelinio monografija „Teksto lingvistika ir indoeuropiečių prokalbė: pasyvas“ rikiuojasi į grandį tų darbų, kuriuose remiantis baltų kalbomis siekiama naujai paaiškinti indoeuropiečių veiksmažodžio praeitį.

Monografijos autorius — jaunas italų kalbininkas, gyvenantis Parmoje, bet lietuvių kalbą išmokęs ir išstudijavęs daugiausia Vilniuje. Jis gerai žinomas baltistams savo daugeliu straipsnių, kuriuose originaliai gvildenamos baltų kalbų veiksmažodžio morfologijos problemos¹. Recenzuojamoji monogra-

¹ Be tų, kurie spausdinti žurnale „Baltistica“ t. 13 (1), 13 (2), 16 (1), 16 (2), šiuo atžvilgiu dar minėtini: Flessione tematica e medio in 'indoeuropeo'. — In: Studi italiani di linguistica teorica e applicata, 1978, 7, p. 141–151; Le forme verbali con l'enclitica riflessiva *s(i)* nei Salmi di Davide, stampati a Königsberg vel 1625. — In: Rendiconti dell'Isti-